Маленький горбун

Автор:
София Сегюр

Маленький горбун

София де Сегюр

Книги на все времена (Энас)

Родители маленькой Христины ведут светский образ жизни и почти не обращают на дочь внимания. Девочка привязывается к соседскому мальчику Франсуа – сыну самого богатого человека в округе.

Добрый и отзывчивый мальчик обладает единственным недостатком – он горбун. Но Христина не замечает физического увечья своего друга и ценит его за душевные качества.

Автор повести – французская писательница XIX века Софья де Сегюр (урожденная Ростопчина), чьи книги для детей до сих пор очень популярны в Европе.

Софи де Сегюр

Маленький горбун

Sophie de Segur

Fran?ois le Bossu

пер. с франц. Е. М. Чистяковой-Вэр; лит. обр. Г. Н. Хондкариан

© Хондкариан Г. Н. Литобработка, 2011

© Власова А. Ю. Обложка, 2011

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011

© ЗАО «Издательство НЦ ЭНАС», 2011

* * *

Предисловие

Творчество французской писательницы Софи де Сегюр (1799–1874) ныне причислено на ее родине к памятникам национальной культуры. Она до сих пор остается одной из величайших детских писательниц Франции.

Свой первый контракт де Сегюр заключила с издательством Луи Ашетт в сентябре 1855 года, когда ей было 56 лет.

Успех превзошел все ожидания – книги распродавались сотнями миллионов экземпляров. Графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина (так она неизменно подписывала все свои произведения), стала известной, а ее «Новые сказки феи», проиллюстрированные молодым и талантливым художником Гюставом Дорэ, определили дальнейшую судьбу писательницы.

Она положила начало жанру детской литературы. Простота и строгость стиля придают особую красоту творческому почерку писательницы. В своих произведениях писательнице удалось передать милую детскую непосредственность, утраченную взрослыми.

За семнадцать лет де Сегюр написала более 20 романов для детей, подростков и взрослых: «Примерные девочки», «Каникулы», «Сонины проказы», «Воспоминания ослика», «Злой гений», «Судьба Гаспара» и другие.

Большинство из ее произведений, посвященных детям, экранизированы во Франции и других странах.

«Маленький горбун» – одна из наименее известных для российского читателя повестей.

Она рассказывает о дружбе двух детей. Горбун Франсуа – единственный сын самого богатого человека в округе. Христина – оставленная со злой нянькой дочь взбалмошных родителей, которых больше интересуют балы и развлечения, чем судьба собственного ребенка.

Детям суждено пройти немало испытаний и разочарований, но они сохранят чистоту своих душ и нежную привязанность друг к другу.

Иллюстрации к книге созданы Эмилем Баяром (1837–1891) – одним из ведущих художников академической школы живописи XIX века.

Глава I. Начало дружбы

Христина на целый день приехала к своей двоюродной сестре Габриели, и обе усиленно трудились, чтобы хорошенько одеть куклу, которую Христине только что подарила графиня Семиан, мать Габриели. Дети уже скроили рубашечку и нижнюю юбку, но им помешал вошедший лакей.

– Барышни, – сказал он, – графиня Семиан просит вас прийти в сад в крытую аллею.

– Нужно сейчас идти? – спросила Габриель. – Кто-нибудь приехал?

– Да, барышня, у графини какой-то господин, – ответил слуга.

– Пойдем, Христина.

– Как досадно, – заметила Христина, – я не могу одеть мою куколку, а между тем ей холодно, ведь она совсем раздета.

– Что делать? – вздохнула Габриель. – Раз мамочка зовет, нужно идти к ней.

– Дома одной мне не удастся ее одеть, я не умею шить. Боже мой, как ужасно, что я ничего, ничего не умею делать!

– Почему же ты не попросишь твою бонну сшить ей платьице? – спросила Габриель.

– Да она не захочет, она никогда не соглашается позабавить меня.

– Что же делать тогда? Что если бы я сшила платье? – предложила Габриель.

– А ты могла бы? – Христина подняла головку и улыбнулась.

– Мне кажется, могла бы, во всяком случае постараюсь.

– Теперь же? – быстро спросила Христина.

– Ну, нет, конечно, не теперь, – ответила Габриель, – потому что мама ждет нас. Вероятно, мы пойдем гулять с ней, но, когда вернемся, я постараюсь сшить это платье.

– А до тех пор моей бедной дочке будет очень холодно.

– Я заверну ее вот в эту старенькую мантилью[1 - Манти?лья – легкая дамская накидка.], погоди немного. Ну, дай же мне ее.

Габриель взяла куклу Христины, заботливо укутала ее и придирчиво осмотрела.

– Ну вот теперь хорошо. Пойдем же, – прибавила она, – мама ждет нас, скорее, скорее же, торопись!

Христина поцеловала Габриель, которая взяла ее за руку и вывела из комнаты. Вскоре они прибежали в крытую аллею, там графиня де Семиан разговаривала с каким-то незнакомым детям господином, маленький мальчик держался позади них.

Габриель и Христина с удивлением смотрели на него. Он был немного повыше их ростом, чуть полноват, и в его фигуре замечалось что-то странное. На хорошеньком лице блестели нежные, мягкие, умные глаза, все черты его были красивы, но он казался озабоченным и сконфуженным.

Христина подошла к нему и взяла за руку.

– Пойдем, голубчик, поиграем. Хочешь?

Мальчик ничего не ответил, только застенчиво и робко посмотрел на Габриель и Христину.

– Ты не слышишь? Ты, может быть, глухой? – ласково спросила Габриель.

– Нет, – тихим голосом отозвался он.

– Так почему же ты не говоришь? Почему ты не идешь играть с нами? – продолжала расспрашивать Габриель.

– Я боюсь, что вы будете смяться надо мной, как все другие дети, – тихо проговорил их новый знакомый.

– Смеяться над тобой? Почему? Из-за чего остальные над тобой смеются? – спросила Габриель.

– Разве вы не видите? – сказал маленький мальчик, поднимая голову и с удивлением глядя на них.

– Я тебя отлично вижу, но не понимаю, почему над тобой смеются, – заметила Габриель. – А ты, Христина, ты видишь, что-нибудь?

– Я? Я ровно ничего не вижу.

– Так значит, вы согласитесь меня поцеловать и поиграть со мной? – мальчик уже улыбался, но еще нерешительно.

– Так, значит, вы согласитесь меня поцеловать и поиграть со мной?

– Конечно, конечно! – воскликнули обе двоюродные сестры и охотно сердечно поцеловали его.

Он был так счастлив, так весело и радостно улыбался, что Габриель и Христина тоже почувствовали себя счастливыми. В то время как они целовались, графиня де Семиан и ее гость обернулись. Взглянув на детей, мужчина невольно весело воскликнул:

– Ах, какие добрые маленькие девочки! Это ваши дочки? Смотрите, смотрите, они согласились поцеловать моего бедного Франсуа. Бедняжка! А как видно, он очень доволен и счастлив.

– Почему же вас удивляет, что моя дочь и племянница охотно целуют Франсуа? Я бы удивилась, если бы было иначе.

– Как я был бы счастлив, графиня, если бы все думали, как вы, – сказал де Нансе, так звали гостя, – но недуг моего бедного сыночка делает его таким застенчивым и неловким! Бедный мальчик слишком привык к тому, что над ним постоянно насмехаются, что все знакомые ему дети относятся к нему с отвращением. Неудивительно, что он счастлив, видя, как ласково приняли его ваши добрые и прелестные малютки.

– Бедный ребенок, – сказала Луиза де Семиан и с нежным участием посмотрела на Франсуа.

Габриель и Христина держали Франсуа за руки, заставляя его бежать вместе с ними, он же смеялся от души: быстрое движение, по-видимому, нравилось ему.

– Мамочка, этот маленький мальчик сказал нам, что над ним часто смеются и что никто не хочет его целовать! Скажи, почему это? Он такой славный, такой миленький.

Графиня Семиан ничего не ответила, и Франсуа со страхом поглядывал на нее, де Нансе вздыхал и тоже не произносил ни слова.

– Скажите же мне, – спросила Христина, обращаясь к де Нансе, – почему над ним смеются?

– Потому, дети, что он упал и сделался горбатым. Такова была воля Божья, находятся достаточно злые люди, которые смеются над горбатыми, а это очень, очень дурно.

– Ну, конечно, очень дурно, – заметила Габриель, – разве он виноват, что сделался горбатым? И потом – он все-таки очень мил.

– Где же у него горбик, я не вижу, – сказала Христина, обходя кругом Франсуа.

Бедный мальчик страшно покраснел и, пока Христина осматривала его, тревожно оглядывался на нее.

«Боже мой, Боже мой, – думал он, – конечно, если только она заметит мой горб, то, как все другие, станет смяться надо мной».

Графиня де Семиан не знала, как бы остановить Христину незаметным для де Нансе образом. Габриель тоже принялась рассматривать спину Франсуа, вдруг Христина воскликнула.

– Ах, вот, вижу, вижу! Горбик на спине. Ты видишь, Габриель?

– Да, вижу, но это ровно ничего не значит. Бедный мальчик, ты думал, что мы станем над тобой смеяться? – прибавила дочка графини. – Это было бы так нехорошо и зло. Ты больше не боишься, правда? Как тебя зовут? Где твоя мама?

– Меня зовут Франсуа. Мамочка моя умерла, я ее никогда не видел. А мой папа стоит рядом с вашей мамой.

– Как, господин, который разговаривает с тетей, твой папа? – спросила Христина.

– Почему это удивляет тебя, моя малютка? – спросил де Нансе.

– Потому что вы такого большого роста, а он совсем маленький, вы стройный, а он нет, – проговорила Христина.

– Ты говоришь глупости, Христина, – нахмурилась графиня. – Когда же маленький ребенок бывает ростом со своего отца? Подите-ка, поиграйте с Франсуа, это будет лучше, чем, оставаясь здесь, говорить всякие глупости.

– Дайте я поцелую вас, мои добрые малютки, – сказал де Нансе. – Я от всего сердца благодарен вам за то, что вы так ласково приняли моего бедного маленького Франсуа.

Де Нансе горячо расцеловал Габриель и Христину и ушел с графиней де Семиан. Дети же побежали в рощу собирать лесную землянику.

– Эй, Франсуа, поди сюда! – закричала Христина. – Посмотри, какое славное место. Видишь, сколько здесь земляники? Бери, бери все ягоды.

– Благодарю тебя, – сказал Франсуа. – Скажите, как зовут вас обеих?

– Меня зовут Габриель, – откликнулась дочь графини де Семиан.

– А меня Христиной.

– Сколько вам лет? – спросил Франсуа.

– Мне семь, – ответила Габриель, – моей двоюродной сестре Христине шесть. А тебе сколько?

– Мне… мне… уже десять, – краснея и с запинкой выговорил Франсуа.

– Десять лет! Это много, – заметила Габриель. – Ты, значит, старше Бернара.

– А кто это, Бернар? – удивился Франсуа.

– Мой брат. Он очень добр, и я люблю его. Его нет дома, он ушел брать урок к нашему кюре[2 - Кюре? – католический приходской священник.].

– Ах, я тоже должен брать уроки у кюре в Дрюни, это деревня близко отсюда.

– Вот и Бернар тоже учится там, – заметила Габриель. – Ты, значит, живешь подле Дрюни?

– Совсем близко, – ответил Франсуа. – За десять минут я дохожу от нашей усадьбы до дома священника.

– Почему же ты прежде никогда не приходил к нам? – с удивлением спросила Габриель.

– Потому что меня не было здесь, – вздохнул маленький горбун. – Из-за моего здоровья папа жил в Италии, доктора уверяли, что там моя спина совсем выпрямится и я вырасту, а между тем за границей мой горб стал еще больше прежнего, и это очень печалит меня.

– Послушай, Франсуа, не думай об этом больше, – твердо проговорила Габриель – уверяю тебя, ты очень, очень миленький. Правда, Христина?

– Я очень люблю его, он, кажется, такой добрый, – отозвалась ее двоюродная сестра.

И обе снова поцеловали горбунчика, который смеялся и казался счастливым. После этого разговора все трое опять принялись усердно собирать землянику, Габриель и Христина наперерыв старались находить лучшие места и указывали

их Франсуа, чтобы мальчик не устал, отыскивая ягоды. Через четверть часа они наполнили целую корзиночку, которая висела на руке Габриели.

– Теперь пойдем, – предложила она, отирая свой маленький лобик. – Очень жарко, и ягоды освежат нас. Франсуа, сядь подле меня под ветки этой елки, а ты, Христина, тут, с другой стороны, Франсуа разделит ягоды на три части.

– Куда же мы их положим? – спросил Франсуа. – У нас нет тарелочек.

– Сейчас будут, – ответила Габриель. – Возьмем по большому каштановому листу. Видите? Теперь у нас три отличные тарелки.

Каждый взял свой лист, Франсуа стал делить ягоды, а девочки смотрели на него. Когда он закончил, Габриель сказала:

– Ты разделил очень плохо, Франсуа, ты нам отдал почти все, у тебя осталось слишком мало!

– Возьми моих ягод, голубчик, – ласково проговорила Христина, насыпая на лист Франсуа часть своей земляники.

– А вот это от меня, – и Габриель сделала то же самое.

– Зачем так много, мои хорошие? – смутился Франсуа. – Право же, этого слишком много.

– Нет-нет, так правильно. Ну, давайте есть! – скомандовала Габриель.

– Ах, какие вы добрые! – растрогался горбун. – Когда я бываю с другими детьми, они почти все отнимают у меня и мне ничего не остается…

Глава II. Паоло

Дети доели землянику и уже собирались выйти из рощи, как вдруг к ним подошел молодой человек лет восемнадцати-двадцати, он держал шляпу в руке и на каждом шагу кланялся. Наконец он остановился перед детьми, ничего не говоря.

Дети смотрели на него и тоже молчали.

– Вот и я, синьора… синьор, – сказал он с новым поклоном.

Дети тоже поклонились, но им стало немножко страшно.

– Кто это? Ты знаешь? – шепотом спросил Франсуа у Габриели.

– Нет. И я его боюсь, – ответила она. – Не убежать ли нам?

– Синьорины, синьор… Вот и я! Я прийти, – продолжал незнакомый молодой человек, продолжая кланяться.

– Синьорины, синьор… Вот и я!

Вместо ответа, Габриель схватила Христину за руку и бросилась с нею бежать, громко крича:

– Мама, мамочка! Тут какой-то господин…

Вскоре двоюродные сестры встретили графиню де Семиан и де Нансе, которые услышали их крик и быстро направились к ним, боясь, что с детьми что-то случилось.

– Что с вами? Что стряслось? Где Франсуа? – тревожно спросил де Нансе.

– Там, там в лесу с каким-то сумасшедшим господином… И мы боимся, что он сделает ему что-нибудь дурное, – задыхаясь выговорила Христина.

Недолго думая, де Нансе побежал со всех ног и вскоре увидел своего Франсуа. Мальчик стоял и улыбался, глядя на незнакомого молодого человека, а тот, завидя де Нансе, стал отвешивать новые поклоны.

– Кто вы, милостивый государь? – спросил его де Нансе. – И что вам угодно?

– Я есть приглашенный к господин граф, синьор конте[3 - Ко?нте – граф (итал.).], – сказал незнакомец продолжая кланяться. – Вы есть синьор Семиан?

– Нет, – ответил де Нансе, – но вот идет графиня.

Молодой человек подошел к ней, низко поклонился и повторил то, что он уже сказал де Нансе.

– Моего мужа нет дома, – ответила графиня, – впрочем, он скоро вернется, пожалуйста, скажите мне вашу фамилию, так как, мне кажется, я еще никогда не видела вас.

– Я Паоло Перонни, и я иметь письмо от синьора конте Семиана. Вот, – ответил он и протянул графине какое-то письмо.

Она с подавленной улыбкой быстро пробежала его.

– Да это писал не мой муж, это не его почерк, – заметила она.

– Не он писать? Что же делать? – расстроился Паоло. – Он меня приглашать обедать, и я, бедный Паоло, поверо[4 - По?веро – бедный, несчастный (итал.).] Паоло, очень доволен… Я долго идти. Бояться опоздать… Что же мне делать?

– Остаться и пообедать с нами, – ответила графиня Семиан, – ваши друзья, вероятно, захотели подшутить над вами, а вы отлично подшутите над ними, если пообедаете здесь и заодно познакомитесь с нами.

– Как же вы добр, графиня! – с жаром воскликнул Паоло. – Спасибо, мадам, я недавно жить здесь и никого тут не знать.

И молодой человек рассказал, что он доктор, итальянец, что он жил в итальянской деревне Липпо, защищал ее вместе с другими молодыми миланцами от нападения австрийского маршала Радецкого (дело происходило в 1849 году во время борьбы Ломбардии[5 - Ломба?рдия – область на севере Италии.] с Австрией), что большинство его товарищей было убито и что он спасся только бегством.

– Они почти все быть убиты, разрублены в куски. Я броситься под убитых, потом ночь, и я ползти, ползти долго, потом вставать и бежать, днем спрятался в лес, ел плоды, птиц. Ночью опять бежать и так до Генуи. Потом я идти и говорить всем: «Итальяно». И друзья давать хлеба, мяса, уложили спать. И я приплыть в ваш Франция… Ваши добродушные франчезе[6 - Франче?зе – французы (искажен. итал.).] привести меня сюда, но я тут не знать никого. Когда прийти письмо от синьора конте Семиано, я быть доволен, а товарищи смеяться. Один сказать: «Что ты! Это шутка». А я не слушать, я пройти два лье[7 - Лье – старинная французская мера длины, равная 4,4 км.] в один час. И вот Паоло прийти к вам… Вы смеяться, как мои товарищи? Это смешно, правда?

Графиня де Семиан смеялась от души, серьезный де Нансе улыбался, но вместе с тем с чувством глубокого сострадания поглядывал на бедного итальянца.

– Бедный молодой человек, – сказал он с глубоким вздохом. – А где же ваши родители?

– Мои родители? – лицо молодого итальянца приняло жесткое выражение. – Мои родители есть умерли, всех моих убить жестокие австрийцы. Они расстрелять моих стариков вместе с братьями, сестрами, с их друзьями в их домах. Они все сжечь – белье, платья… Они бить их за то, что я, итальянец, с друзьями убивать австрийцев. Вот каков маршал Радецкий!

– Бедный молодой человек! – воскликнула графиня. – Все это ужасно.

– Несчастный, – произнес де Нансе. – Остаться одиноким, без родителей, без родины, без средств. Но не следует терять мужества, синьор Паоло. Все устроится с Божьей помощью, будем надеяться на Всевышнего. Мужайтесь.

Видите? Сами не зная как, вы попали в дом графини Семиан. Это начало. Все будет хорошо, не тревожьтесь…

Бедный Паоло посмотрел на де Нансе мрачным взглядом и ничего не ответил, до возвращения в замок он не выговорил ни слова.

Дети немного отстали, им не хотелось подходить слишком близко к Паоло, так как Христина и Габриель немного боялись его.

– Что это он говорил об австрийцах? – спросила Христина. – Он, кажется, очень сердился.

– Он рассказывал, что итальянцы жгли австрийцев, что его сестры колотили… их платье, кажется, что так. А потом, что они убивали всех, даже родителей и домики, – проговорила Габриель.

– Кто убивал? – удивилась Христина.

– Да все они.

– Как все? – снова спросила Христина. – Кого они убивали и почему сестры колотили платье? Я не понимаю…

– Нет, Христина, ты никогда ничего не понимаешь, – заметила Габриель. – Вот Франсуа, наверное, понял.

– Да, я понял, – кивнул мальчик – только совсем не то, что ты говоришь. Австрийцы убивали бедных итальянцев и все жгли, это они убили родителей и сестер Паоло и сожгли его дом. Ты понимаешь, Христина?

– Отлично понимаю, – сказала она. – Видишь ли, ты рассказал очень хорошо. Когда же говорила Габриель, я ничего не могла разобрать.

– Я не виновата, что ты такая глупая и не понимаешь, когда рассказывают, – недовольным голосом заметила Габриель. – Вот и твоя мама всегда говорит, что ты глупа, как гусенок!

Христина грустно опустила головку и замолчала. Франсуа подошел к ней и, обнимая ее, сказал:

– Нет, ты не глупая, моя Христиночка. Не верь Габриели. Она говорит это в шутку.

– Все говорят, что я безобразна и глупа, – проговорила Христина, – и мне кажется, что это правда.

И по ее щеке скатилась слезка.

– Прости меня, моя бедная Христина, – сказала Габриель, целуя ее, – я не хотела обидеть тебя. Мне очень, очень жаль. Нет, ты не глупа, прости меня, пожалуйста.

Христина улыбнулась и в свою очередь поцеловала Габриель. В эту минуту позвонил обеденный колокол, и дети бегом пустились домой, чтобы умыться и причесаться.

Обед прошел весело, благодаря рассказам о путевых приключениях итальянца, которого графиня представила своему мужу. Смешил также всех громадный аппетит Паоло, не позволявшего позабыть о себе. Когда подали жаркое, он еще не окончил огромной порции фрикасе[8 - Фрикасе? – рагу из белого мяса в соусе.] из цыпленка, наполнявшего до краев его тарелку. Лакей уже подал всем сочный и, по-видимому, вкусный бараний окорок, а Паоло еще доедал последний кусочек цыпленка. Несмотря на это, он с тревогой посматривал на баранину, пожирал ее глазами, все еще надеясь, что ему поднесут блюдо. Но, видя, что лакей собирается подать шпинат, он собрал все свое мужество и, обращаясь к графу де Семиан, сказал взволнованным голосом:

– Синьор конте, не предложить ли вы мне баранины? Пожалуйста!

– О, конечно, с большим удовольствием, – с улыбкой ответил хозяин дома.

Графиня громко рассмеялась, и это вызвало всеобщий веселый хохот. Паоло оглядывался с недоумением, тоже улыбался, сам не зная чему, и, смеясь, продолжал есть. Всеобщая веселость, звонкие детские голоса заставили его

наконец так расхохотаться, что он подавился, слишком большой кусок баранины застрял у него в горле. Лицо итальянца покраснело, потом полиловело, жилы надулись, глаза страшно раскрылись.

Франсуа, сидевший слева от Паоло, увидел, какая беда случилась с ним, бросился к нему и, запустив пальчики в открытый рот итальянца, вытащил оттуда громадный кусок баранины. После этого все пришло в порядок: глаза Паоло, жилы, цвет лица мало-помалу приняли свой обычный вид, и он нисколько не потерял аппетита.

Понятно, пока несчастный делал усилия, чтобы проглотить кусок, которым он подавился, никто и не думал смеяться. Но за столом снова раздался веселый смех, когда Паоло с полным ртом повернулся к Франсуа, схватил его за руку и несколько раз поцеловал пальцы мальчика.

– Добрый синьорино, добрый! Бедный мальчик. Ты… ты меня… мне спасать жизнь, и я сделать так, что ты быть такой же большой, как твой отец. Это что такое? – прибавил он проводя рукой по его горбику. – Это нехорошо, некрасиво. Я доктор, хороший доктор. И я все исправить. Ты быть пряменький, как твой папа.

И Паоло принялся есть, не говоря больше ни слова, а уж смеяться он и не думал до конца обеда.

За столом Бернар познакомился с Франсуа.

– Мне очень жаль, что я не мог вернуться раньше, – сказал он. – Я был у кюре, я каждый день бываю в доме священника и беру там урок.

– Я тоже должен идти к нему, – кивнул Франсуа, – он согласился учить меня латинскому языку. Я очень рад, что ты тоже учишься у кюре. Мы будем видеться каждый день.

– И я очень рад этому. Вероятно, нам будут задавать одни и те же уроки.

– Не думаю, – сказал Франсуа. – Сколько тебе лет?

– Мне восемь.

– А мне десять.

– Десять лет! А между тем ты такой маленький, – заметил Бернар.

Франсуа опустил голову покраснел и замолчал.

Вскоре после обеда Христине объявили, что за ней пришла ее бонна[9 - Бонна – няня, гувернантка.]. Девочке очень хотелось, чтобы Минну попросили позволить ей остаться еще на четверть часа у Габриели. Она мечтала одеть свою куколку в платье, которое для нее шила ее двоюродная сестра. Однако она привыкла к строгости Минны, а потому собралась уйти.

– Погоди же немного, Христина, – сказала ей Габриель, – через десять минут я закончу платьице.

– Не могу, – ответила Христина, – меня ждет моя бонна.

– Что же за беда? Она может и подождать немного, – заметила маленькая Семиан.

– Но мама рассердится, будет бранить меня и не позволит мне больше приходить к вам.

– Да твоя мама не узнает, – сказала Габриель.

– Непременно узнает. Минна говорит ей все.

В эту минуту голова бонны просунулась в двери:

– Что же, Христина, торопитесь!

– Иду, Минна, иду, – ответила девочка.

Она побежала к тетке, чтобы прощаться, Франсуа и Бернар хотели поцеловать девочку, но не успели. В гостиную вошла бонна:

– Значит, вы не хотите идти, Христина? Ведь уже поздно, и ваша мама, конечно, будет очень недовольна.

– Иду, Минна, иду.

– А твоя кукла? – спросила Габриель. – Ты ее оставляешь здесь?

– У меня нет времени, – шепотом ответила испуганная Христина. – Пожалуйста, дошей платье, ты мне отдашь его, когда я приду к вам.

Бонна взяла Христину за руку и, не дав ей времени поцеловать Габриель, вытащила из гостиной. Бедная Христина дрожала – Минна была несправедлива и зла.

Бонна толкнула девочку в тележку, которая приехала за нею, сама села рядом, и экипаж покатился.

Христина тихонько плакала, бонна бранила и грозила ей по-немецки (она была немка).

– Я скажу вашей маме, что вы не слушались, – выговаривала бонна, – вот увидите, она будет вас бранить.

– Уверяю вас, я пошла тотчас же, – оправдывалась Христина. – Пожалуйста, не говорите маме, что я дурно себя вела, я не хотела не слушаться, уверяю вас!

– Нет, я скажу, что вы вели себя очень дурно, – продолжала бонна, – да еще прибавлю, что вы говорите неправду и спорите, когда вам делают замечания.

– Простите меня, – со слезами взмолилась Христина, – пожалуйста, не говорите этого мамочке, ведь это же неправда!

– Перестаньте хныкать! Чем хуже вы будете вести себя, тем хуже будет для вас.

Христина отерла глаза, постаралась сдержать слезы, подавить вздохи. Проехав около получаса, они вернулись в замок Орм, где жили родители Христины. Бонна привела ее в гостиную, где сидели отец и мать девочки. Минна насильно втащила малышку в эту комнату.

Христина остановилась подле дверей, не смея заговорить. Ее мать подняла голову.

– Подойди, Христина, – сказала она. – Зачем ты стоишь у двери, точно виноватая? Минна, разве она плохо вела себя?

– По обыкновению, – ответила немка. – Ведь вам известно, что Христина никогда меня не слушается.

– Уверяю вас, Минна… – заливаясь слезами, начала было девочка.

– Не перебивай бонну, – сказала Каролина Дезорм. – Ну, что же она сделала, Минна?

– Она не хотела ехать домой, долго заставила меня ждать, а потом вырывалась, чтобы остаться со своей двоюродной сестрой, – говорила Минна, – мне пришлось силой увезти ее.

Мать Христины поднялась с места, подошла к девочке и сказала:

– Ведь ты же обещала мне быть умницей, Христина…

– Уверяю тебя, мамочка, что я была умницей… – ответила бедная Христина, продолжая плакать.

– О, Христина, – продолжала бонна, сжимая руки. – Зачем вы лжете? Так нехорошо говорить неправду, Христиночка!

– Ах, ты опять, как всегда, говоришь неправду, – обратилась к дочери Каролина. – Ты, верно, хочешь, чтобы я тебя строго наказала?

Ее муж, до сих пор все время молчавший, подошел к ней.

– Дорогая моя, – сказал он, – прошу тебя простить Христину. Если она не слушалась, она, конечно, теперь исправится.

– Почему ты говоришь «если»? – спросила Каролина Дезорм. – Минна постоянно жалуется на нее и ничего не может сделать… по ее словам.

– Минна, Минна! – нетерпеливо заметил он. – При нас Христина всегда отлично ведет себя. Она слушается нас и делает все, что мы ей скажем.

– Потому что боится наказания, – сказала Христинина мать и прибавила, обращаясь к бонне: – Знаете, Минна, вы мне надоедаете постоянными жалобами на Христину, вы все вечно преувеличиваете!

Госпожа Дезорм стала расспрашивать дочь, несмотря на неудовольствие бонны; ее муж молча рассматривал недовольное и злое лицо немки.

Наконец мать Христины стала сомневаться в том, что ее дочка дурно вела себя, велела Минне отвести ее и уложить спать, запретив ей бранить девочку.

Когда муж и жена остались одни, Дезорм с волнением сказал жене:

– Ты очень строга с нашей девочкой, и ты слишком веришь тому, что говорит эта бонна, которая попусту жалуется на нее.

– Ты называешь непослушание пустяками?

– Надо еще узнать, действительно ли она не слушалась, – заметил Дезорм.

– Как «действительно ли»? – проговорил она. – Ведь Минна же сказала нам об этом.

– Я совершенно не доверяю этой бонне, – возразил Дезорм, – и уже несколько раз замечал, что она лжет. Мне кажется, она терпеть не может нашу малютку.

– И неудивительно, – ответила ему жена. – С ней Христина всегда капризничает и дурно ведет себя.

– Ну, значит, Минна не умеет обращаться с девочкой, и… Ты, право, слишком строга с Христиной, ты недостаточно наблюдаешь за тем, что происходит, веришь жалобам бонны. Знаешь ли, Христина ужасно боится этой Минны. Прошу тебя, заботься больше о нашей дочери и лучше смотри за нею.

– Будь так добр, – сказала Каролина Дезорм, – давай говорить о чем-нибудь другом. Этот предмет разговора ужасно надоел мне.

Отец Христины вздохнул. Он вышел из гостиной и, желая посмотреть, что делает Минна, пошел в детскую, ему также хотелось узнать, утешилась ли девочка. Христина сидела в своей постельке совсем одна и тихонько плакала. Дезорм подошел к ней, наклонился над кроваткой дочери и спросил:

– Где же твоя бонна, Христина?

– Она ушла, папочка.

– Как? Она оставляет тебя одну?

– Да, она всегда уходит, когда я лягу, – ответила девочка.

– Хочешь, я ее позову?

– О нет, нет, пожалуйста, папа, не нужно!

– Почему ты ее так боишься?

Христина не ответила. Отец несколько раз настойчиво повторил свой вопрос, и наконец девочка сказала почти шепотом:

– Не знаю.

Он не мог добиться от нее другого ответа и, печальный и озабоченный, вышел из детской. Совесть мучила его за то, что он мало думал о дочери. Ведь он отлично знал, что его жена совершенно не занималась девочкой. Придя в гостиную, он заметил, что госпожа Дезорм сильно раздражена, а потому не стал больше

говорить с ней ни о Христине, ни о ее бонне, но в глубине души решил понаблюдать за Минной и, заметив ее недоброе обращение с ребенком, тотчас же отказать ей от места.

Глава III. Два года создают двух друзей

Через несколько дней Дезорма вызвали в Париж по очень важному делу. Он хотел уехать один, но его жена во что бы то ни стало пожелала отправиться с ним, говоря, что ей необходимо сделать несколько очень важных покупок. Она поспешно отправилась к жене своего брата, графине де Семиан, чтобы сказать ей о своем отъезде.

– И вы берете с собой Христину? – спросила графиня.

– Ну, конечно, нет, – ответила ее гостья. – Что ей там делать, пока я буду ездить за покупками и с визитами? Я возьму с собой только горничную и лакея.

– А что же будет делать Христина?

– Я буду в Париже всего недели две, не больше, а она останется со своей бонной, у которой есть только одно дело – смотреть за ней, – сказала Каролина Дезорм.

– Мне кажется, Христина ее очень боится, – заметила графиня. – Как вы думаете, ваша Минна не слишком строга с девочкой?

– Строга? Нисколько. У нее твердый характер, но она добра. С Христиной необходимо обращаться довольно сурово, она слишком любит рассуждать, иногда бывает дерзка и не привыкла слушаться.

– Никогда бы не поверила этому, – заметила де Семиан. – Я считала ее кроткой и очень послушной. Я буду часто брать ее к себе, пока вы не вернетесь из Парижа. Вы позволите?

– Сколько угодно, моя дорогая, поступайте, как знаете, и делайте все, что вам вздумается. Я хочу только, чтобы она жила в нашем имении со своей бонной. До

свидания, теперь мне пора домой, завтра я уезжаю, и у меня множество дел.

Каролина занялась своими вещами, сказала Минне, чтобы та почаще возила Христину к тетке, и уехала рано утром на следующий день.

Муж и жена Дезорм должны были вернуться через две недели, между тем они не приехали в Орм ни на второй месяц, ни на третий… Дезорму пришлось отправиться на остров Мартиника, чтобы присмотреть за одним предприятием, в которое он поместил большую часть своего состояния. Его жена захотела поехать с ним. Она любила все новое, необыкновенное, в особенности же ей нравилось путешествовать. Так прошло целых два года…

В течение этих двух лет ни де Нансе, ни граф и графиня Семиан не уезжали из деревни, и это было большим счастьем для Христины, постоянно видевшейся с Габриель, Бернаром и маленьким горбатым Франсуа. Маленькая Дезорм очень подружилась с сыном де Нансе, ее глубоко трогала его доброта и кротость и, глядя на него, ей всегда хотелось сделаться такой же, как он. Часто она по целым месяцам гостила у своей тетки, которая очень жалела одинокую девочку.

Минна была зла, но отлично умела притворяться и при посторонних сдерживалась, поэтому никто не догадывался, как бедная Христина страдала от ее жестокости. Малышка об этом никогда никому не рассказывала, потому что бонна пригрозила самым суровым образом наказать ее, если девочка решится пожаловаться своему двоюродному брату, сестре или еще кому-нибудь.

Паоло Перонни очень полюбил Христину и старался помогать ей во всем, любил он также и Франсуа, которому давал уроки музыки и итальянского языка, получая за это по пятьдесят франков в месяц. Для него это была довольно большая сумма, на которую он и жил. Кроме того, его иногда звали к больным, все знали, что он доктор и не требует большой платы за свои визиты. Вдобавок итальянец целые недели проводил в доме де Нансе, где жизнь ничего ему не стоила.

Итак, для всех наших друзей эти два года прошли очень счастливо. Почти каждый месяц приходили известия от отца и матери Христины. Наконец они написали, что собираются вернуться в июле, и на этот раз действительно приехали.

Встреча родителей с дочерью не была слишком трогательной. Отец и мать поцеловали Христину без малейшего волнения, нашли, что она сильно выросла и похорошела. Действительно, теперь ей минуло восемь лет и у нее был ум десятилетней девочки. Однако ее мало развивали, Минна ничему не учила ее, даже не показала, как нужно шить. Христина выучилась читать почти самостоятельно, ей помогали только Габриель и Франсуа, и у нее были лишь те книги, которые ей давала двоюродная сестра. Франсуа не знал об этом, иначе он, конечно, отдал бы ей всю свою библиотеку.

На следующий день после возвращения родители Христины получили записку от графини де Семиан с просьбой приехать к ней завтра и привезти с собой Христину. «Я хочу, – говорилось в письме, – познакомить с вами нашего соседа де Нансе, очень милого человека, а также врача-итальянца, оригинального и забавного. Сейчас я получила от него письмо, которое он прислал, привязав к ошейнику нашей сторожевой собаки. В нем Паоло Перонни извещает меня, что завтра приедет к нам. Пожалуйста, привезите с собой и Христину. Габриель горячо просит вас об этом».

– Я очень рада, что твоя сестра познакомилась с несколькими новыми соседями, – сказала Дезорму его жена. – Мы воспользуемся этим и на будущей неделе пригласим их к себе.

– Как хочешь, дорогая, но мне кажется, лучше подождать, чтобы они первыми нанесли нам визит, – сказал он.

– Зачем ждать? Если один – очень милый человек, а другой – оригинально забавен, как говорит твоя сестра, я хочу чтобы, они у нас бывали, они развлекут нас.

Дезорм, как всегда, промолчал, услышав мнение жены. Она же побежала к себе в комнату, чтобы выбрать платье на завтрашний день.

О Христине подумать Каролина не успела. У нее было столько забот. Но Дезорм сказал бонне, что они возьмут с собой в гости дочь. Глазки девочки заблестели, и она с трудом сдержала радость. Тем не менее ротик ее невольно улыбался и на щеках выступил необыкновенно яркий румянец. Однако увидев бонну, она постаралась скрыть свое удовольствие, продолжала сидеть молча и неподвижно. Как бесконечно долго тянулся для нее этот день!

Назавтра она проснулась очень рано. К несчастью Христины, бонна спала долго, так что малышке пришлось два часа ждать, пока Минна проснется.

Бонна подумала о том, что она будет свободна целый день, а потому встала в хорошем настроении. Она не кричала на Христину, причесывая ей волосы, не вырывала их, неосторожно водя гребенкой, не слишком много мыла попало в глаза девочки в это утро, и за своим первым завтраком она получила кусочек хлеба, намазанный тонким слоем масла. Такое случалось нечасто, Минна не приучала ее к баловству: обыкновенно бонна съедала масло и выпивала шоколад с молоком, приготовленный для Христины, воспитаннице же давала только кусок хлеба и чашку холодного молока.

Утро шло, а Христину никто не звал. Ее сердечко начало беспокойно замирать, особенно когда она слышала шаги взад и вперед и понимала, что ее родители собираются уехать. Наконец до нее донесся звук колес экипажа, остановившегося перед крыльцом. Она не посмела ни о чем спросить свою бонну, но лицо девочки опечалилось и глаза наполнились слезами. Как раз в эту минуту дверь ее комнаты отворилась и на пороге показался Дезорм. Подойдя к дочери, он сказал:

– Ты готова, Христина? Мы сейчас едем!

– Да, папа, я давно готова.

– Почему у тебя на глазах слезы? – спросил он. – Может быть, ты больше хочешь остаться дома?

– Ах, нет, папочка, я, напротив, боялась, что вы меня забудете, – проговорила Христина.

– Бедняжечка моя, ты видишь, что я тебя не забываю, – заметил Дезорм. – Скорее же беги вниз, чтобы не заставлять маму дожидаться.

Этого не нужно было повторять, Христина подбежала к отцу, который тут же увел ее с собой, он уже слышал недовольный голос своей жены. Стоя на крыльце, она громко звала:

– Да где же вы, Филипп? Где ваш барин? Почему Христина не идет?

– Я здесь, сударыня, – ответил лакей Филипп, выходя из передней. – Барин же прошел к барышне.

– Сейчас же подите и скажите им, что я их жду, – приказала она.

– Не досадуй, дорогая, я только сходил за Христиной, – сказал Дезорм.

– Здравствуй, Христина. Почему сегодня ты не пришла поздороваться со мной? – спросила девочку ее мать.

– Я ждала бонну, мама, потому что она запретила мне выходить без нее, – ответила Христина.

– Минна всегда выдумает что-нибудь странное, – заметила Каролина Дезорм. – Ну зачем понадобилось запирать Христину и мешать ей прийти ко мне в комнату? Если бы ты была немножко поумнее, Христина, ты не стала бы дожидаться позволения Минны… Ах какая ты красная, Христина! Нельзя сказать, чтобы ты была красива, бедняжечка.

– Трудно понять, есть у девочки ум или нет, – заметил Дезорм, – ведь она никогда не говорит, по крайней мере при нас. Согласиться же с тобой, что она некрасива, я не могу, потому что Христина поразительно похожа на тебя.

Говоря это, Дезорм лукаво улыбнулся и протянул руку, чтобы помочь своей жене сеть в коляску, но та оттолкнула ее, заметив:

– Пожалуйста, оставь, я сяду и без твоей помощи.

Дезорм поднял Христину, намереваясь посадить ее подле матери.

– Нет, нет! – возразила Каролина. – Пусть Христина сядет на козлы[10 - Козлы – передняя часть экипажа, где сидит кучер.], иначе она сомнет мое красивое платье или башмаками запачкает его.

Дезорм поднял Христину на козлы к кучеру, сказав ему:

– Пожалуйста, присмотрите за ней.

– Не беспокойтесь, барин, – заметил кучер, – я постараюсь, чтобы барышня не упала. Она такая милочка, кроткая, ласковая! Было бы жаль, если бы с ней случилось что-нибудь дурное.

В течение всего этого времени Христина не выговорила ни одного слова, она даже боялась дышать, опасаясь еще больше рассердить свою мать и почему-нибудь остаться дома. Наконец коляска покатилась, и она с облегчением вздохнула.

– Может быть, вам неловко, барышня Христина? – спросил кучер.

– Нет, напротив, я так рада, что мы поехали. Я ужасно боялась остаться дома, – ответила девочка.

– Бедная маленькая барышня, – заметил кучер, – достается же вам от бонны!

– Молчите, молчите, Даниель, пожалуйста, не говорите этого. Что если Минна узнает?

– А между тем я говорю правду, – сказал Даниель. – Бедная маленькая барышня! Правда, вам от этого не станет легче…

– Но сейчас я увижу мою милую, добрую Габриель и Франсуа, который так ласков со мной! И моего двоюродного брата Бернара, которого я так люблю. Я счастлива, Даниель, уверяю вас, очень счастлива.

«Сегодня, может быть, – подумал кучер, – но завтра будет другое».

Христина замолчала, она с восторгом думала о том, что проведет день со своими милыми друзьями. Ехать пришлось недолго, вскоре экипаж был уже в усадьбе графа и графини де Семиан. Габриель и Бернар бросились навстречу двоюродной сестре, которую Дезорм снял с высоких козел.

– Бежим, бежим, – сказала Габриель, – я одела куколку в наряд невесты, ты увидишь, как она хороша! Я ее тебе отдам.

Родители Христины вошли в гостиную, и девочка уже не скрывала своей радости. Габриель и Бернар провели ее в детскую. Там на хорошенькой маленькой кроватке лежала ее куколка, одетая в белое кисейное платьице, ее голову украшала длинная белая фата.

Христина не знала, как отблагодарить Габриель. И, конечно, Бернара, который при помощи столярных инструментов сделал маленькую кукольную кроватку. Вскоре явился и Франсуа, Христина с радостью встретила его. В то время как ее сердце наполнялось восторгом, а язычок работал без умолку, ее мать жеманничала перед де Нансе, которого ей представила графиня, и перед итальянцем, низко кланявшимся ей. Он старался понравиться Каролине Дезорм в надежде, что его пригласят к ним в дом, что обеспечило бы ему еще одно знакомство.

Перонни тотчас же догадался, что важнее всего понравиться Христининой матери, так как от нее зависели все приглашения, вот почему он и старался всячески угодить ей. Каролина уронила булавку, которой закалывала шаль, Паоло тотчас же встал на четвереньки, чтобы отыскать ее.

Паоло тотчас же встал на четвереньки, чтобы отыскать булавку.

– Не стоит, синьор Паоло, – сказала она, – право, в булавке нет ничего драгоценного.

– Да как же, – развел руками итальянец, – раз булавку носить такая прекрасная синьора, она делаться сокровищем!

– Хорошо сокровище! – со смехом заметила Каролина. – Право, синьор Паоло, не ищите больше, повторяю вам, не стоит.

– Как так, синьора? Я не встать, пока не отыскать этот драгоценность.

– Ваше сиятельство, стол накрыт, – доложил лакей.

Все направились в столовую, только Паоло все еще ползал на четвереньках. Когда все ушли, он стал на колени.

– Эх, беда, – по-итальянски прошептал он, почесывая голову, – я сделал большую глупость. Ну, что теперь будет, они все съедят! А эта негодная булавка не находится. Вот что сделаю! Отличная мысль! Белла, беллиссима[11 - Бе?лла, белли?ссима – прекрасная, наипрекраснейшая (итал).]! Я возьму булавку со стола и скажу: «Вот ваша булавка, я ее нашел».

Он вскочил, схватил булавку из ящика для рукоделия, который стоял на столе, и с торжествующим лицом бросился в столовую:

– Я найти, синьора, найти. Вот оно!

– Ах, – сказала Дезорм, смеясь до слез, – это не моя булавка. Это белая, а у меня была черная.

– Бог мой, – воскликнул несчастный Паоло, якобы смущенный тем, что услышал. – Это оттого, что я потереть булавку о… о… мои серебряные часы.

– Полно, синьор Паоло, довольно говорить пустяки, – заметил граф де Семиан недовольным тоном. – Кушайте лучше яичницу, иначе завтрак затянется, и дети не успеют хорошенько поиграть и половить раков.

Этого не нужно было повторять Паоло, он уселся за стол и съел свою порцию яичницы с такой быстротой, что наверстал потерянное время. А между тем Каролина часто поглядывала на Христину и то и дело останавливала ее то движением руки, то словом.

– Ты слишком много ешь, Христина, – говорила она. – Не глотай же так жадно. Ты берешь слишком большие куски.

Христина краснела, ничего не отвечала, Франсуа, сидевший рядом с нею, увидел, что после десятого замечания его подруга готова заплакать, и не мог удержаться, чтобы не вступиться за нее.

– Христина очень голодна, кроме того, ест она совсем немного и отрезает самые маленькие кусочки.

Каролина Дезорм не знала, кто такой Франсуа, она с удивлением посмотрела на него и сказала:

– Что это за маленький рыцарь? И почему ты так горячо защищаешь Христину?

– Я ее друг, – ответил горбун, – и всегда изо всех сил буду защищать ее.

– Ну, силы-то у тебя, кажется, немного, бедный мальчик.

– Правда, немного, – сказал Франсуа, – но в случае нужды мне всегда поможет мой папа.

– Ого, не хочешь ли ты вступить со мной в борьбу? – насмешливо спросила Каролина. – А где же твой папа, мой бедный маленький Эзоп[12 - Эзо?п (ок. VI в. до н. э.) – знаменитый греческий баснописец; был горбуном и отличался отталкивающей внешностью.].

– Подле вас, – сурово произнес де Нансе.

– Как? Этот… Этот милый ребенок ваш сын?

– Точно так, соседка. Маленький Эзоп, как вы только что его назвали, мой сын, и я имею честь представить его вам.

– Я в отчаянии… Я очень рада, – в смущении начала Каролина Дезорм. – Мне очень жаль, что… я этого не знала раньше.

– Вы избавили бы его от новой обиды, не правда ли? – холодно спросил де Нансе. – Бедный ребенок, его столько раз обижали, что он к этому привык больше, чем я.

– Папа, папа, пожалуйста, не печалься! Уверяю тебя, мне это решительно все равно. Я так счастлив здесь со всеми вами. Бернар, Габриель и Христина ко мне добры и ласковы со мной. Я их так люблю!

– Мы тоже очень любим тебя, наш добрый Франсуа, – вполголоса сказала Христина, сжимая ладонь мальчика обеими руками.

– И мы всегда будем тебя любить. Ты такой добрый, – продолжала Габриель, взяв его за другую руку.

– И везде всегда будем защищать друг друга, правда, Франсуа? – заметил Бернар.

Во время этого разговора мать Христины чувствовала себя очень смущенной. Ее муж покраснел не меньше ее самой. Графине де Семиан было неловко, и она досадовала на жену своего брата, де Нансе сидел грустный и задумчивый. Вдруг Паоло встал, протянул руку и сказал торжественным тоном:

– Слушать все! Слушать Паоло! Я торжественно обещать: когда этот мальчик, которого синьора называет Эзоп, будет иметь двадцать один год, он стать такой же статный, как его почтенный синьор отец. И я сделать это, потому что он добрый ребенок, он мне дать громадное благодеяние и… я его люблю.

– Вот уже второй раз вы обещаете мне такое счастье, синьор Паоло, – сказал де Нансе, – но, если вы действительно можете выпрямить спину моего сына, почему вы не сделаете этого теперь же?

– Терпение, синьор мио, терпение. Я доктор. Теперь это невозможно, он расти. Лет в восемнадцать или двадцать можно начать, тогда быть хорошо. Раньше нельзя!

Де Нансе вздохнул и улыбнулся, глядя на Франсуа, на лице которого было выражение счастья и веселья. Мальчик оживленно разговаривал со своими друзьями. Все они весело болтали, но негромко, чтобы не мешать разговору взрослых.

Глава IV. Характеры обрисовываются

Завтрак подходил к концу, и Бернар спросил графиню, не позволит ли она ему, Христине, Габриели и Франсуа встать из-за стола. Графиня де Семиан охотно отпустила детей, и они побежали играть в сад.

– Мой добрый Франсуа, – сказала Христина, – как я благодарна тебе за то, что ты хотел меня защитить. Я уже просто и не знала, как есть, чтобы мамочка была довольна.

– Потому-то я и заговорил о тебе, Христина, – вздохнул горбун, – я видел, что ты не решалась есть и чуть не плакала. Мне было очень грустно за тебя.

– Я тоже опечалилась, когда мне показалось, что мама смеется над тобой.

– О, из-за этого не надо печалиться. Я уже давно привык, что надо мной постоянно смеются и, уверяю тебя, нисколько не обижаюсь. Только мне тяжело, когда это делают при папе: он сразу становится таким печальным. Бедный папочка так любит меня!

– О, да, – вставил Бернар, – он гораздо лучше тети Каролины Дезорм, которая совсем не любит бедную Христиночку!

– Ты ошибаешься, Бернар, – перебила его Христина, – ошибаешься, уверяю тебя. Мама меня любит. Только она так занята, что ей некогда обращать на меня много внимания.

– Почему же ей некогда? – удивился Бернар.

– Ей нужно делать визиты, – объяснила Христина, – то и дело одеваться, к ней часто приходят портнихи, и она примеряет платья. Потом приезжают гости и тоже отнимают у нее много времени. Потом они все вместе уезжают. Потом… Потом у нее еще много занятий.

– А что ты делаешь в это время? – спросил Франсуа.

– Я остаюсь с моей бонной. И вот это ужасно! Минна такая злая.

– Почему же ты не расскажешь об этом маме? – поинтересовался Франсуа.

– Потому что бонна будет страшно бранить меня за это и даже… побьет. Потом наговорит на меня неправды мамочке, и папа тоже накажет меня.

– Отчего же ты не скажешь маме, что бонна так зла и несправедлива? – не унимался Франсуа.

– Ах, Франсуа, мама мне не поверила бы, она всегда верит Минне.

– Ну, тогда я расскажу это своему папе и попрошу передать все это твоей маме, – сказал Франсуа.

– Нет, нет, голубчик, пожалуйста, не делай этого! Мама все равно мне не поверит, а Минна станет еще больше бранить и бить меня. Я это рассказываю только тебе, потому что люблю тебя больше всех на свете.

– Но ведь ты несчастна, бедная Христина, и я не могу выносить этого.

– Нет, что ты! Когда я бываю здесь, особенно с тобой, мне очень хорошо, и ведь я прихожу сюда почти каждый день!.. И вообще, когда Минна не со мной, я не бываю несчастна.

– Как бы мне хотелось, чтобы папа бывал у вас, – заметил Франсуа.

– Почему же он у нас не бывает? – спросила Христина.

– Потому что у твоей мамы постоянно сидят гости, она живет очень роскошно, и папе это не нравится.

– Но ведь он же бывает здесь, у дяди и тети Семиан? Ведь это то же самое.

– Он говорит, что нет, уверяет, что все вы очень хорошие, но что твои дядя и тетя не стараются наряжаться, что они принимают гостей просто, без особых

приготовлений, потом он говорил еще что-то. Только я забыл…

Бернар и Габриель, которые убежали было вперед, теперь вернулись, и Бернар сказал:

– Скучно ничего не делать. Не начать ли нам ловить раков?

– Да, да, – подхватила Габриель, – попросим дать нам сеточки для ловли раков и корзинки.

– Но ведь нужно, чтобы кто-нибудь из взрослых пошел с нами, – заметил Бернар. – Кого бы попросить?

– Вот как раз идет синьор Паоло, – заметил Франсуа, – только, к несчастью, он не видит нас.

Дети повернулись к итальянцу и стали громко звать его:

– Сюда, синьор Паоло, сюда!

Перонни посмотрел в их сторону и быстро зашагал к ним. Отвесив детям низкий поклон, он поинтересовался:

– Синьоры и синьорины, чем Паоло мочь служить вам?

– Милый синьор Паоло, – начал Франсуа, – не поможете ли вы нам приготовить сачки для ловли раков?

– Конечно, синьор, я есть всегда к вашим услугам, – сказал итальянец и прибавил: – О, Паоло благодарен, он никогда не забывать ничего хорошего и ничего дурного.

После этого все разбежались за необходимыми принадлежностями для ловли раков. Через несколько минут дети и Паоло уже были подле светлого говорливого ручья. Паоло суетился, ходил взад и вперед, развертывал сачки, опускал их в воду.

– Не туда, не туда, синьор Паоло! – со смехом закричали дети. – Смотрите, ветки цепляются за сачки.

Паоло переменил место.

– Не туда, не туда! – опять закричали Бернар и Габриель. – Разве вы не видите, что тут совсем нет воды? Тут одни камни!

– Синьор Бернардо, – заметил Паоло, – вы должен поверить мне: рак любить каменистые места.

– Да, – кивнул Бернар, – раки прячутся под камнями, которые лежат в воде, а тут булыжники совсем не закрыты водой.

– Синьор Бернардо, у рака есть ножки, – наставительно заметил Перонни.

– Да, – ответил Бернар, – на них он и ползает в воде, но он никогда не выходит на берег, чтобы лазать!

– Синьор Бернардо, у рака есть хвост, – продолжал итальянец.

– С его помощью он поддерживает себя в воде, а не в воздухе!

– Синьор Бернардо, у рака очень толстая кожа.

– Ах, да перестаньте, синьор Паоло! – с досадой воскликнул Бернар. – Говорю вам, что сеточки стоят очень плохо и что их нужно передвинуть. Дайте мне сачки, я поставлю их как следует.

– Ну, пожалуйста, синьор Бернардо, – сдался итальянец.

Он передал мальчику рукоятку сачка, сетка которого уже зацепилась за корень, торчавший из берега. Бернар взял сетку и перенес ее вместе с двумя другими в маленькую заводь, в которой шевелилось несколько раков.

Пока мальчик устанавливал сеточки, Паоло стоял подле него не двигаясь и молча, он был немножко смущен, немножко недоволен, но не решался этого показать. Франсуа и Христина заметили, что он обижен, и подошли к нему.

– Дорогой синьор Паоло, – тихонько сказал ему маленький Франсуа. – Хотите, возьмем четыре оставшихся сачка и поставим их подле камня, близ которого вы хотели поместить все сетки? Я уверен, что там есть-таки раки.

– Вы думать так, синьор эчелентиссимо[13 - Эчеленти?ссимо – здесь: скрытный человек (итал).]? – с веселой улыбкой сказал Паоло.

– Да, да, конечно, Франсуа прав, милый синьор Паоло, – сказала Христина, – пойдемте с нами.

Итальянец весело улыбнулся и тотчас же схватил забытые сачки, привел их в порядок, ловко опустил в воду и стал терпеливо ждать раков. Вскоре действительно множество их показалось из-под берега. Бернар поднял свой сачок и с торжествующим видом закричал:

– Я поймал трех.

Паоло поднял свои сеточки и громким голосом ответил:

– Я поймать восемнадцать, и превосходных!

– Восемнадцать? Возле этого большого камня? Да этого не может быть!

Бернар и Габриель вместе подбежали к сачкам итальянца, стали считать добычу, в сеточке действительно оказалось восемнадцать очень крупных раков.

В сеточке действительно оказалось восемнадцать очень крупных раков.

– Правда, – сказала Габриель, – синьор Паоло был прав.

– А Бернар не прав, – заметила Христина, обращаясь к своей двоюродной сестре и отводя ее в сторону. – Бернар обидел бедного синьора Паоло, такого доброго, кроткого и любезного.

– Все это правда, но он смешной, – улыбнулась Габриель.

– Что за беда, раз он добр?

– Так-то так, но быть смешным или безобразным все-таки очень неприятно и досадно.

– Скажи, Габриель, разве ты не любишь нашего милого Франсуа?

– Конечно, люблю, только, говоря откровенно, я не хотела бы быть такой, как он.

– А я считаю его до того хорошим, что люблю в сто раз больше, чем Мориса и Адольфа де Сибран, этих красивых мальчиков.

– Ну, я не скажу этого. Конечно, Франсуа очень добр, но мне стыдно за него при посторонних, – призналась Габриель.

– Я никогда не буду стыдиться Франсуа, – с жаром сказала Христина, – мне хотелось бы быть его сестрой, чтобы никогда не расставаться с ним и всегда бывать там, где бывает он.

– О, мне бы не хотелось иметь горбатого брата…

– А я была бы счастлива, если бы у меня был такой добрый, хороший брат.

– Синьорина Христина хорошо говорить, хорошо поступать и хорошо думать, – послышался голос Паоло.

Итальянец подошел к двум девочкам так, что они его не видели и не слышали его шагов.

– Как дурно подслушивать, синьор Паоло, – сказала Габриель, – вы испугали меня.

– Разве люди всегда пугаться, когда они говорят некоторые вещи, синьорина? – с лукавой улыбкой спросил Паоло.

– Я не сказала ничего дурного, – заметила Габриель. – Надеюсь, вы не пойдете рассказывать об этом Франсуа.

– Почему вы так надеяться? – поднял брови Паоло. – Ведь вы не сказать ничего недоброго или дурного.

– Конечно, нет, – заметила Габриель, – но мне все-таки не хотелось бы, чтобы Франсуа знал, о чем мы говорили.

– Почему вы не хотеть? – приставал Паоло. – Ведь вы же…

– Синьор Паоло, синьор Паоло, – послышался голос Франсуа, – пожалуйста, подойдите сюда, помогите мне вынуть раков и насыпать их в мою корзинку.

Итальянец повернулся и пошел к горбатому мальчику, который вынимал последних раков из сеточек и складывал их в закрытую корзинку.

– Зачем вы позвать меня, когда все есть кончено, синьор Франческо? – спросил Паоло.

Франсуа сильно покраснел:

– Потому что вы мне были нужны… Я хотел, чтобы вы мне помогли.

– Нет, нет, это не так, – покачал головой Паоло. – Тут есть что-то другое, чего я не понимать… Сказать мне правду! Паоло не болтать, он никогда никому ничего не сказать.

– Ну, хорошо, я скажу вам, – наконец сознался Франсуа, – я позвал вас, потому что бедная Габриель смутилась, а вы мучили ее, и мне хотелось избавить ее от неловкости.

– Значит, вы слышать, о чем разговаривать синьорины?

– Да, слышал, только не хочу, чтобы они знали об этом.

– И вы прийти на помощь Габриели, – с удивлением сказал Паоло. – Вот это хорошо, это очень хорошо. Я сделать так, что вы стать большой, как ваш синьор папа. Вы еще это увидеть!

– Я сделать так, что вы стать большой, как ваш синьор папа. Вы еще это увидеть!

Франсуа рассмеялся, он не верил обещаниям Паоло, но был ему очень благодарен за его доброе желание.

Дети и итальянец еще некоторое время продолжали ловить раков; это была чудесная ловля: в течение двух часов они поймали больше сотни раков – главным образом, благодаря Паоло и Франсуа, которые хорошо и правильно расставляли сеточки.

День окончился счастливо решительно для всех. Каролина Дезорм была в восторге от того, что она может пригласить в Орм двух новых знакомых, и приветливо разговаривала с де Нансе. Наконец она пригласила его с сыном приехать к ней обедать через день. Де Нансе уже собирался отказаться, но вдруг увидел тревожный и умоляющий взгляд своего бедного мальчика. И принял приглашение – к восторгу Христины и ее задушевного друга Франсуа. Каролина пригласила также Паоло Перонни, который принялся низко раскланиваться в знак благодарности. Граф и графиня де Семиан обещали непременно приехать в Орм, взяв с собой Бернара и Габриель.

Уезжая, Каролина Дезорм позволила Христине сесть в коляску, так как ей уже незачем было усиленно охранять свое платье. Христина была так довольна весело проведенным днем, что совсем не думала о своей бонне и вспомнила о ней, только выходя из экипажа. На ее счастье, Минна еще не возвратилась, и

Христина, которой жена кучера Даниеля помогла раздеться, успела лечь в постель и заснуть раньше, чем вернулась бонна.

Глава V. Нападение и оборона

Недолго продолжалось спокойствие и счастье бедной девочки, утром для нее начались неприятности. Но Христина молчала, она привыкла страдать, не жалуясь, и теперь старалась подбодрить и утешить себя мыслью об обеде, который ее мать давала на следующий день. Девочка ждала, что к ней приедут ее двоюродный брат, сестра и друг Франсуа, и это уменьшало ее печаль.

В день обеда Каролина Дезорм сильно волновалась, ей нужно было приготовить нарядный и изящный туалет, сделать новую замысловатую прическу, позаботиться об украшении обеденного стола. Новый повар, который до сих пор еще никогда не готовил парадных обедов, внушал ей большие опасения. Она боялась, что кушанье будет приготовлено недостаточно хорошо. Раз двенадцать спускалась Каролина в кухню в подвальном этаже, часто забегала в буфетную, но по легкомыслию только путала все. Неразумная женщина бранила слуг без малейшего повода, давала им то одни, то другие приказания, наконец сама принялась шпиговать бараний окорок, который должен был казаться задней ногой дикой козы. Не докончив и этого дела, побежала в столовую и принялась строить в корзинах пирамиды из плодов, но яблоки, груши и сливы вываливались на стол раньше, чем она успевала поставить на вершину последнее украшение – сочный ананас.

Дезорм просил жену не волноваться так сильно, не делать того, чего она не умеет, предоставив это слугам.

– Ты только мешаешь им, – сказал он. – При тебе они работают медленнее, а не скорее. Ты заражаешь их своим волнением. Они принимаются бегать с места на место, болтают между собой, начинают одно и, не докончив дела, бросают его и принимаются за другое.

– Ах, оставь, пожалуйста, – ответила Каролина. – Ты ничего не понимаешь в хозяйстве, никогда не хочешь ни в чем помочь мне, а только желаешь, чтобы все делалось по-твоему. Решительно все наши слуги страшно глупы и нестерпимо

упрямы, они ровно ничего не понимают. Если я не присмотрю за ними, стол будет накрыт дурно и самым смешным образом.

– Но к чему такие приготовления для простого семейного обеда?

– Семейный обед? – в сердцах воскликнула его жена. – Ты называешь «семейством» де Нансе и его сына, мужа и жену де Сибран с их сыновьями, синьора Паоло Перонни и наших соседей Гибер с дочерьми?

– Как! Ты пригласила их?

– Ну, конечно! Я не хочу, чтобы де Нансе скучал с нами, с твоей сестрой и ее мужем.

– Мне кажется, – заметил Дезорм, – что ему это было бы приятнее, чем очутиться с людьми, которых он никогда не видел. Ведь он не любит большого общества.

– Ах, оставь! – отмахнулась легкомысленная молодая женщина. – Ты не знаешь людей! Он только говорит, что не любит общества. Кому же не приятно заводить новые знакомства? Пожалуйста, не мешай мне… Боже ты мой! Уже три часа! Через час они приедут, а я еще не причесана и не одета как следует!

Она повернулась и быстро убежала. Дезорм улыбнулся, пожал плечами и прошел в свою комнату, тут он взял скрипку и заиграл какую-то простую мелодию. Он играл плохо, но все же музыка помогала ему забывать выходки неблагоразумной Каролины, легкомысленной и ветреной, как ребенок, но вместе с тем своевольной и заставлявшей его подчиняться себе.

Бонна не особенно заботилась о нарядах Христины, поэтому маленькая Дезорм очень скоро была готова. Через несколько минут после того, как она вышла в гостиную, к крыльцу старого дома подъехали ее дядя и тетя Семиан с Бернаром и Габриелью, потом де Нансе с Франсуа и Паоло Перонни и, наконец, семья Сибран и семья Гибер.

Каролина все еще не показывалась, и потому Дезорм чувствовал себя неловко. Он извинялся за жену.

Наконец в гостиной появилась Каролина Дезорм в роскошном, но безвкусном туалете, который удивил всех. Ее осыпали неискренними комплиментами. Жена Дезорма была некрасива. Хотя ее руки хвалили, они казались слишком короткими для ее роста, грубая кожа имела неприятный синеватый оттенок. Фигуру Каролины пришлось подправить, то есть на одно плечо и на один бок положить ваты, жидкие волосы она высоко взбила.

Графу и графине Семиан было грустно, что их родственница делает себя смешной, тогда как, одевайся она скромно, без жеманства и претензий, ее могли бы находить милой и привлекательной. Остальные подсмеивались над ней и притворно восхищались ее «красотой», которой никто не заметил бы, если бы она не старалась обратить на нее всеобщего внимания.

Дети – их было восьмеро – сидели в маленькой гостиной рядом.

Морис и Адольф де Сибран насмешливо и с любопытством рассматривали Франсуа, которого видели в первый раз, Елена и Сесиль Гибер шептались с ними и презрительно, недобро поглядывали на бедного мальчика.

– Кто этот смешной маленький горбун? – спросил Морис Бернара.

– Наш большой друг, – ответил Бернар, – вот уже почти два года мы часто видимся с ним, это отличный, добрый мальчик.

– Отличный? Сомневаюсь, – заметил Морис. – Горбуны всегда злы и раздражительны. Поэтому их следует раздавить раньше, чем они успеют начать царапаться, мы с Адольфом всегда поступаем так.

– О, Франсуа не царапается и не кусается, – с улыбкой заметил Бернар, – повторяю, это замечательно добрый, славный мальчик.

– Ну, ну, перестань, пожалуйста, – упрямо повторил Морис. – Познакомь же нас с ним.

– Охотно, если вы будете ласковы с нашим приятелем, – сказал Бернар.

– Не беспокойся, мы обойдемся с ним вежливо и любезно.

– Франсуа, – сказал Бернар, – Морис и Адольф де Сибран хотят познакомиться с тобой.

Франсуа подошел к Бернару и протянул руку обоим мальчикам Сибран.

– Здравствуй, здравствуй, малютка, – почти в один голос сказали они. – Ты очень миленький и кажешься умницей, вероятно, ты уже умеешь говорить и даже можешь, что называется, разговаривать.

Франсуа поднял на них изумленные глаза и ничего не ответил.

– Я не знаю твоего имени, – продолжал Морис, – но без труда догадываюсь, кто ты: ты, конечно, родственник, вернее, отдаленный потомок очаровательного человека по имени Эзоп, который прославился… наростом на спине.

– И на груди тоже, – с ясной улыбкой ответил Франсуа. – Но раз вы уже так много знаете, вам, конечно, известно, что его ум не менее знаменит, чем его горб. В этом смысле я очень благодарен вам за ваше лестное для меня сравнение.

Остальные дети громко засмеялись, Морис и его брат покраснели, попробовали что-то ответить, но Христина помешала им, громко сказав:

– Молодец Франсуа! Отлично, отлично! Они хотели посмеяться над тобой, а вот теперь им самим неловко и приходится краснеть.

– Я краснею? Я чувствую себя неловко? – спросил Морис. – Да разве молодого человека моих лет (ему минуло двенадцать лет) может смутить маленький пяти-шестилетний крошка?

– Вот как? Ты думаешь, что Франсуа лет пять или шесть? – насмешливо спросила Христина. – Тогда ты должен считать, что для своих лет он очень умен и развит, ведь он ответил лучше тебя и знает об Эзопе больше, чем ты и твой брат.

– У маленьких детей иногда являются мысли и слова не по летам, – проговорил сильно раздосадованный Морис.

– Правда, правда, – насмешливо продолжала Христина. – Точно так же некоторые взрослые молодые люди иногда говорят и поступают по-ребячески… Но я должна вас предупредить, что Франсуа уже двенадцать лет и что для своего возраста он очень умен и много знает.

– Как! Ему двенадцать лет? Я ни за что не поверил бы этому. Мне тоже двенадцать лет.

– Двенадцать лет? Я бы не поверила, – сказала Христина.

– Сколько же лет даешь мне ты? – спросил Морис. – Четырнадцать? Пятнадцать?

– Нет-нет, пять или, самое большее, шесть, – сказала Христина.

– Ты хорошо защищаешь своих друзей, Христина, – шепнула Габриель, обнимая и целуя свою двоюродную сестру.

– И друзья очень благодарны тебе, – прибавил Франсуа, целуя ее в свою очередь.

– И мы еще больше любим тебя за это, – проговорил Бернар, пожимая ей руки.

– Я тоже должен поцеловать синьорину, – воскликнул Паоло и схватив ее за руки, расцеловал в обе щеки.

– Ах, вы меня испугали, синьор Паоло! – со смехом заметила Христина. – Дорогие мои, я не заслуживаю всех этих похвал, я просто рассердилась на Мориса и Адольфа за то, что они обидели нашего милого Франсуа, и отвечала им не думая.

– Ну, когда Христина вырастет, придется быть осторожной с ней, – со смехом сказала Елена Гибер.

– Между тем она очень добра и никогда не говорит неприятностей, – с чувством проговорил Франсуа.

– Да, ты находишь? – иронически спросил Адольф. – Вот что значит иметь много ума.

– Доброты и сердца, – прибавила Габриель.

– Когда же мы перестанем ссориться и вести словесные битвы? – воскликнул Бернар. – Не пойти ли нам в сад перед обедом? У нас есть свободный час.

– Пойдем, пойдем! – в один голос отозвались остальные дети.

Они направились к балкону. Морис и Адольф были не в духе, они мешали остальным веселиться и, не решаясь больше вслух насмехаться над Франсуа, пересмеивались между собой, поглядывая на него. С Еленой и Сесиль они тоже говорили о «противном горбуне», Христину же потихоньку называли глупой.

Долго не соглашались они играть в какие-нибудь игры, наконец выбрали прятки. Дети разделились на две части: одни должны были прятаться, другие искать. Морис и Адольф позвали с собой Елену и Сесиль, Франсуа и Бернар – Габриель и Христину. Бросили жребий, и судьба решила, что первая компания будет прятаться, а вторая отыскивать.

Прозвучал сигнал, четверо детей бросились в чащу искать спрятавшихся, но напрасно бегали они, заглядывая повсюду. Они не нашли ни души. После бесполезных поисков дети наконец сошлись вместе и стали рассуждать, что делать.

– Нам остается только вернуться домой, – сказал Бернар.

– Лучше все вместе обойдем маленькую рощицу и все время будем кричать: «Сдаемся! Выходите!» – предложила Габриель.

– Лучше всего объявить им, что они неправильно играют, – вмешалась Христина.

– Нет, лучше сделаем, как советует Бернар, потом вернемся домой через зимний сад и через цветник, – спокойно заметил Франсуа. Остальные согласились.

Они отлично прогулялись по роще и со спокойной совестью вернулись домой. И хорошо сделали: наступило время обеда.

Первой компании все еще не было дома. Бернар и Франсуа начали беспокоиться о них. Маленький де Нансе подошел к отцу, а Бернар – к графу де Семиан, и оба рассказали им о том, что случилось. Те в свою очередь передали Сибрану и Гиберу весть об исчезновении детей, и все вчетвером отправились разыскивать их.

Они долго ходили по окрестностям, но вернулись ни с чем. Детей нигде не было, и никто не мог сказать, куда они подевались.

Глава VI. Наказанные обманщики

Обед отложили, но убежавшие все не возвращались, а потому пришлось сесть за стол без них. Невеселый это был обед: все были взволнованы, встревожены, ели немного и второпях.

Когда встали из-за стола, мужчины разбрелись по парку, надеясь отыскать исчезнувших детей, дамы прошли в гостиную. Вот, наконец, в этой комнате появились Морис, Адольф и сестры Гибер, все растрепанные, в разорванных платьях, с красными лицами, потные и в слезах.

Увидев их, старшие вскрикнули. Матери бросились к своим детям.

– Глупые, глупые! – закричала мадам де Сибран.

– Дурочки, – вторила ей мадам де Гибер.

– Мы… мы заблудились, – всхлипывая, объяснили девочки.

– А еще на нас… бросились два громадных дога, – в свою очередь вставили Морис и Адольф.

– Они чуть не разорвали нас, – прибавили сестры Гибер.

– Было совсем темно, ничего не видно, – продолжили мальчики.

– Вы сами виноваты во всем, – заметила им мать. – Зачем вы убежали?

– Я рада, что вы наказаны. Другой раз не будете плутовать в игре, – проговорила де Гибер, обращаясь дочерям.

– Скажите, чтобы позвонили в колокол, пусть гости вернутся, – приказала Каролина Дезорм лакею Филиппу.

Раздался громкий звон; Сибран, Гибер, де Нансе и граф вернулись в дом. Пропавших детей снова побранили, потом все сели за стол, и эта часть обеда прошла веселее, чем первая.

Поглядывая на своих несчастных товарищей, Бернар, Габриель, Христина и Франсуа с трудом удерживались от смеха. Растрепанные волосы маленьких обманщиков, желавших подшутить над ними, их разорванная одежда, лица и руки, покрытые множеством царапин, раскрасневшиеся щеки, опухшие от слез, странно противоречили жадности, с которой они бросались на каждое поданное кушанье.

Когда провинившиеся немного утолили голод, Габриель спросила их, как они могли заблудиться.

– Мы хотели посмеяться над вами и убежали из той части парка, которую выбрали для пряток. Мы вошли в рощу и бросились к дому, но решили сделать круг, чтобы вы не видели нас. На наше несчастье, мы сбились с дороги, шли долго, очень долго, сами не зная куда. Морису и Адольфу стало страшно. Они дрожали и плакали… – начала Сесиль.

– Нисколько, я ничуть не боялся, – прервал ее Морис и прибавил: – Я смеялся все время.

– Ты смеялся? Вот это мило! – фыркнула Сесиль. – Ты плакал, мой милый, и Елена старалась успокоить и утешить тебя. Но, погоди, дай мне окончить рассказ о нашем приключении… Мы все шли, или, вернее, бежали вперед, вдруг из какого-то сарая выскочили две громадные и очень злые собаки, мы закричали: «Помогите, помогите!» – и бросились бежать. Собаки кинулись за нами, бросались то на одного, то на другого, рвали нам платье, забегали вперед нас и, заливаясь громким лаем, заставляли вернуться. В это время из дома вышел

какой-то фермер и позвал собак. Потом подошел к нам и говорит: «Мои собаки вас напугали, барышни? Извините их, пожалуйста. Они молоды и любят играть, поверьте, они не укусили бы вас».

– Все мы плакали, – продолжала Сесиль, – и ничего не могли ему ответить, он это увидел. «Может быть, вам нездоровится, молодые господа? Если я могу чем-нибудь вам помочь, пожалуйста, скажите». – «Мы заблудились», – ответил ему Морис, заливаясь слезами.

– Что за глупости! – прервал Морис рассказ Сесили. – Я плакал? Я? Ты ошибаешься, просто мне было холодно, и я дрожал.

– Тебе было холодно? В такую-то погоду? – заметила Сесиль. – Ты обливался потом, да и теперь тоже… Я говорю, что ты громко плакал. Не мешай мне. Я хочу рассказать все по порядку. «Вы заблудились? Откуда же вы, молодые господа?» – снова спросил нас крестьянин. – «Мы из замка Орм». – «Ну так вы скоро возвратитесь, вы ведь в парке». – «Но парк так велик, что мы не знаем, как найти дорогу». – «Я провожу вас, молодые господа, только простите моих собак, пожалуйста, они, право, не знали, с кем имеют дело». Фермер довел нас до дому, и тут я сказала Морису и Адольфу, что если мы заблудились, то по их вине, ведь именно они хотели подшутить над Франсуа и Христиной.

– Неправда, неправда! – с жаром заметил Морис. – Вы обе хотели сплутовать не меньше нас с братом.

– Вы нас уговорили сделать это, правда, Сесиль? – спросила Елена.

– Правда, правда, – подтвердила ее сестра. – Просто ты, Морис, сердишься на Франсуа за то, что он так умно и ловко ответил тебе, и на Христину, потому что она сумела защитить своего друга. Да, – прибавила маленькая Гибер, – я нахожу теперь, что она поступила хорошо, а ты очень дурно.

Родители сидели молча, слушая рассказ Сесили и спор детей. Наконец Каролина Дезорм заставила их замолчать, сердито сказав:

– Христина вечно вмешивается в то, что ее не касается. Можно подумать, будто умному Франсуа нужна ее помощь. Он и сам сумеет ответить. Прошу тебя, Христина, в другой раз молчи и не говори глупостей.

– Но, мамочка, наш Франсуа такой добрый, – ответила Христина, – он никогда не хочет никому отплатить за обиду, и…

– Ты вмешиваешься в дело самым глупым и невежливым образом, – прервала ее мать. – Если ты еще когда-нибудь будешь так вести себя, я запрещу тебе видаться с Франсуа… А теперь иди спать. Во сне ты по крайней мере не будешь делать глупостей.

Де Нансе увидел умоляющий взгляд Христины и глубоко опечаленное бледное личико Франсуа.

– Соседка, – сказал он, обращаясь к Каролине Дезорм. – Пожалуйста, исполните мою просьбу, простите вашу Христину. Если вы накажете девочку за ее мужество и великодушие, вы в то же время накажете моего сына и всех ее молодых друзей. Вы так добры, что, конечно, сделаете нам это одолжение.

– Я ни в чем не могу отказать вам, сосед. Христина, останься, – сказала она, – наш сосед де Нансе желает этого, подойди и поблагодари его за доброту к тебе, которой ты не стоишь.

Христина подошла к де Нансе, подняла на него свои хорошенькие глазки, теперь полные слез, и начала:

– Дорогой… дорогой… я… я…

Она не договорила и залилась слезами, де Нансе обнял девочку и несколько раз горячо поцеловал ее, говоря шепотом:

– Бедная моя малютка, ты добрая и хорошая, и я тебя очень, очень люблю.

Его нежные слова утешили Христину, слезы перестали катиться по ее щечкам, и она снова села рядом с Франсуа, который во время этой сцены сильно дрожал от волнения.

С самого начала обеда Паоло не произнес ни слова, кушанья поглощали все его мысли, но теперь он все слышал, все видел и, подойдя к Франсуа, сказал ему:

– Когда я сделать вас большим и прямым, вы побить этого длинного негодного мальчика Мориса.

– За что? – спросил его изумленный Франсуа.

– Из мести, мстить хорошо, – заметил Перонни.

– Нет, совсем нехорошо, – покачал головой Франсуа. – Я прощаю, это мне нравится гораздо больше. Наш Господь прощает всех, мстит только демон.

– Кто вас научить этому? – удивился итальянец.

– Мой добрый и дорогой учитель – папа, – просто ответил Франсуа.

– Я очень люблю твоего папу, Франсуа, – вмешалась в разговор Христина.

– Это понятно, – кивнул мальчик, – он такой добрый! И, знаешь, он тоже очень любит тебя.

– За что он может меня любить? – спросила Христина.

– За то, что ты меня любишь, за то, что ты такая добрая и хорошая, – потупился горбатый мальчик.

– Надо же! – воскликнула Христина. – Я ведь тоже люблю его за то, что он так любит тебя, и за то, что он хороший и добрый.

Было поздно, обед, сначала отложенный, потом прерванный посредине, сильно затянулся. Кроме того, одежда Мориса и Адольфа была порвана, юбки девочек Гибер свисали лохмотьями – поэтому дети не могли больше оставаться в гостях. Перед отъездом муж и жена Гибер пригласили к себе на будущей неделе всех находившихся в гостиной, включая детей.

Глава VII. Первая услуга

Франсуа вежливо поклонился Морису и Адольфу, когда они немного смущенно простились с ним (теперь они знали, чей он сын).

Дело в том, что во всей округе де Нансе считался богатым и очень уважаемым человеком, все знали, что он добр, постоянно помогает бедным и готов на любые жертвы ради счастья своего сына. Телесный недостаток бедного Франсуа глубоко огорчал его, тем более что до семи лет мальчик был высок ростом, с прямой спиной, и только упав с высокой лестницы, сделался горбатым.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Манти?лья – легкая дамская накидка.

2

Кюре? – католический приходской священник.

3

Ко?нте – граф (итал.).

4

По?веро – бедный, несчастный (итал.).

5

Ломба?рдия – область на севере Италии.

6

Франче?зе – французы (искажен. итал.).

7

Лье – старинная французская мера длины, равная 4,4 км.

8

Фрикасе? – рагу из белого мяса в соусе.

9

Бонна – няня, гувернантка.

10

Козлы – передняя часть экипажа, где сидит кучер.

11

Бе?лла, белли?ссима – прекрасная, наипрекраснейшая (итал).

12

Эзо?п (ок. VI в. до н. э.) – знаменитый греческий баснописец; был горбуном и отличался отталкивающей внешностью.

13

Эчеленти?ссимо – здесь: скрытный человек (итал).

Купить: https://tellnovel.com/segyur_sofiya/malen-kiy-gorbun

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити